

Глава 19: Статуи богов

Через некоторое время мастер Хун и Цай вышли из дома.

Мастер Хун был одет в старую коричневую монашескую рясу поверх белого халата, все также с открытым животом, но только с миской воды в руке.

"Идите сюда, ребята, идите сюда," — он поднял руку и с улыбкой поприветствовал двух детей.

Лу Жун обнял Шэнь Цзицзе за талию, не позволяя ему двигаться. Шэнь Цзицзе мог только приобнять и слегка подтолкнуть человека к мастеру Хуну.

"Дедушка," — Лу Жун снова в панике бросился прятаться за Цая.

Он не хочет, чтобы этот человек изгонял из него злых духов. Что, если он превратится в оленя? Неужели дедушка прогонит его, и его гэгэ больше не будет с ним добр? Думая об этой сцене, он неудержимо задрожал.

Мастер Хун внезапно издал яростный крик, опустил лицо и в гневе раскрыл глаза. Шэнь Цзицзе вздрогнул, а Лу Жун крепко обнял дедушку Цая, уткнувшись головой ему в талию.

"Мастер, мастер, не пугайте детей, — дед Цай немного расстроился.

"Все в порядке, старина, если ты хочешь избавиться от зла, тебе необходимо для начала использовать это. Но у меня нет палочки, так что просто окроплю вас ей — Мастер Хун мгновенно убрал свое отвратительное выражение лица и любезно объяснил.

Мастер Хун держал чашу с водой в левой руке, а правой — плеснул водой на тело Шэнь Цзицзе, опустив глаза, со словами на устах. Когда он подошел поливать водой Лу Жуна, тот закружился вокруг Цая, пронзительно крича во весь рот.

"Не бойся, дитя, разве мы не говорил об экзорцизме? Мастер просто побрызгает тебя немного водой, это не больно," — нижняя рубашка деда помялась, он поспешно успокаивал его.

Лу Жун продолжал кружить вокруг Цая, костяшки его пальцев, вцепившиеся в рубашку, побелели, лицо утратило румянец, а глаза были полны страха, как у какого-то испуганного зверька.

Шэнь Цзицзе больше ничего не мог с собой поделать, бросился вперед, дабы преградить путь мастеру Хуну: "Не брызгайте на него водой, он боится, не брызгайте на него водой."

Увидев поведение Лу Жуна, дед Цай тоже встревожился и неоднократно повторял: "Ребенок больше не будет убегать."

Мастер Хун держал миску, его потное лицо выражало беспомощность: "Не бойся, малыш, это вода, только что зачерпнутая из резервуара с водой," — сказав это, он поднес чашу ко рту и сделал два глотка.

Старина Цай был застигнут врасплох: "Разве, когда ты только что забирал мои яйца, ты не сказали, что это какая-то слюна Будды?"

Лу Жун спрятался за дедушкой, уставившись на служителя храма, приоткрыв один глаз. Он перестал кричать после того, как тот выпил полмиски на одном дыхании, но его глаза все еще были бдительными, до сих пор не позволяя к нему приблизиться.

Цай согнулся в талии и вытер пот со лба ладонью: "Мастер, мое дитя очень напугано, поэтому я не буду окроплять его водой."

Мастер Хун сказал: "Разве остаток слюны Будды не будет растрачен впустую?"

"Пусть это будет пустой тратой," — дедушка Цай заметил, что выражение лица Лу Жуна еще не улучшилось, и у него сжалось сердце, тон его голоса был не очень хороший.

Мастер Хун не сказал ни "да", ни "нет", просто стоял неподвижно. Старый Цай уже много лет является деревенским старостой, есть ли то что он ещё не видел? Со знанием дела он сказал: "Вода больше не будет использоваться, но яйца и арахис - это искренность этого ребенка, их все равно нужно оставить Богам и Будде."

Служитель Хун остался доволен, подошел к курятнику с оставшейся половиной миски воды и вылил ее в миску с водой в кормушке. Цыплятам явно хотелось пить этим знойным летним днем, все они вытянули головы, чтобы поклевать воды.

Он зажал пустую миску подмышками, а затем медленно отошел назад. Пока двое детей не обращали на него внимания, он по отдельности похлопал их по лбу: "Уши чистые, глаза ясные, грязь не оставайся"

По лбу Шэнь Цзице холодно постучали, он быстро взглянул на Лу Жуна, опасаясь, что тот снова испугается. Увидев, что он застыл лишь на мгновение, и больше никакой чрезмерной реакции не последовало, он почувствовал облегчение.

"Ладно, ребята, все в порядке, — мастер Хун снова снял мантию, скатал ее в комок, вытерев пот со лба. — В такую погоду очень жарко, когда двигаешься."

Дедушка Цай тихо спросила Лу Жуна: "Дитя, как дела? Отпусти дедушку ненадолго."

Только тогда Лу Жун отпустил руку, державшую одежду Цай Е, и прошептал комариным голосом: "Дедушка, я в порядке."

Шэнь Цзицзе подошел и отвел его в сторону. Увидев, что ребенок вспотел, он обмахнул его своей кепкой: "Чего ты испугался? Это просто прохладная вода."

Лу Жун поджал губу, лицо его было очень обиженным.

"Ладно, ладно, не говори, не говори ничего." — Шэнь Цзицзе продолжал обмахивать его импровизированным веером.

"Старый Цай, дягиль, который я посадил у себя на заднем дворе, кажется, плохо растет. Не могли бы вы взглянуть?" — Мастер Хун спросил мастера Цая с доброй улыбкой.

Дедушка Цай руководил людьми в деревне, выращивая лекарственные растения. Хотя ему было неприятно видеть, как некомфортно Хуну и Лу Жуну, он все равно сказал: "Давайте пойдем и посмотрим."

К тому времени, когда они вдвоем вышли из дома на задний двор, Лу Жун наконец воспрянул духом, он чувствовал, что ему будет везти всю оставшуюся жизнь.

У Шэнь Цзицзе было намерение сделать его счастливым, поэтому он сказал: "Жун-Жун, твой гэгэ покажет тебе двор, может быть, там есть что-нибудь интересное."

Лу Жун на самом деле не хотел двигаться, но губы то открывались, то закрывались, и Шэнь Цзицзе все же повел его гулять по двору.

Двор невелик, большая его часть приходилась на отдельный дом в стороне. Дом имеет простую форму и окружен высокими карнизами. Шэнь Цзицзе увидел Бодхисаттву внутри через открытую дверь.

За столом для подношений сидит не одна статуя, а четыре.

Он заинтересовался статуей и повел Лу Жуна внутрь: "В той комнате есть статуя Бодхисаттвы, пойдем и посмотрим."

Лу Жун с самого раннего возраста знал, что он отличается от обычных людей, и подсознательно избегал таких вещей, как изгнание демонов. Во время китайского Нового года он последовал за дедушкой в храм, чтобы попросить благословения и благоволий, но так и не вошел за порог, а только стоял под старым деревом и ждал.

Демоны должны обладать демоническим сознанием, даже если они хорошие демоны, такие как

олени Укуны, они должны избегать всех рисков, которым могут подвергнуться. Но после борьбы он немного устал, так что лишь немного сопротивлялся, не думая продолжать.

Переступив высокий порог, он почувствовал приближение холода, только войдя в дом, блокирующий жару снаружи, заставляя людей расслабляться, а тепло рассеиваться.

Позади стола для жертвоприношений стоят четыре статуи богов, внешний слой краски старый, местами видны пятна, под ним видны следы от грязных шин. Все четыре статуи находятся в одинаковой позе, положив руки на ноги, они не видели разницы между ними.

Служителями могут быть сельские жители, которые раньше жили поблизости, обычно каменщики или что-то в этом роде, поэтому статуи выглядят грубыми и небрежными.

Посередине глазного яблока было небольшое отверстие, в него была вставлена черная фасоль. Предполагается, что это сделал мастер Хун. Черные бобы расположены немного ближе к переносице, поэтому казалось, что у них косоглазие.

Та, что с краю, была завернута в красную ткань, и на ней было видно только лицо, но краска была явно новее, чем на трех других.

После того, как Шэнь Цзицзе некоторое время присматривался, он торжественно сказал Лу Жуну: "Тебе тоже следует присмотреться повнимательнее. Запомни в своем сердце, все это может быть материалом для эссе."

Лу Жун опустил голову с тех пор, как вошел, не глядя на статуи. Выслушав слова Шэнь Цзицзе, он неохотно поднял глаза и сказал: "Я закончил запоминать. Я сохраню это в своем сердце. Давай выйдем."

Шэнь Цзицзе был жаден до холода и не хотел выходить, поэтому он взял его за руку и отвел в сторону, уговаривая: "Смотри, на стене еще есть картинки, похоже на фрески."

Свет падал на землю через окно в задней части здания, также отражаясь от земляной стены слева, которая была покрыта легкими черными отметинами.

Лу Жуну тоже стало любопытно, он перестал настаивать на том, чтобы выйти, и наклонился поближе, чтобы посмотреть на стену.

Казалось, что ребенок беспорядочно рисовал черной угольной ручкой на стене. В некоторых местах виден узор, в то время как в других это случайные линии.

Если попытаться различить беспорядочные линии, то покажутся три предмета необычной формы, обнимающие друг друга.

“Это собака... Смотри, у нее четыре ноги, — Шэнь Цзицзе указал на одну из невысоких фигур и сказал: У него на голове две ветки.”

Лу Жун посмотрел в направлении его пальцев и пригляделся повнимательнее. Он не считал, что это собака. У него на голове были не ветки, а рога.

Раньше ему очень нравилось наблюдать за животным миром, потому что иногда он мог видеть диких оленей в прерии, поэтому он знал, что рога взрослых оленей не такие короткие, как у него, а толстые, крепкие и раздвоенные.

Они вырастают такими величественными с блестящим мехом, а их рога способны без особых усилий проникнуть в брюхо любого зверя, и высоко подняты добычу, как будто протыкают гроздь сахарных тыкв.

Ноги оленя крепкие и мощные, способные многое сделать, даже пнуть и выгнать огромного льва, что позволяет им властвовать в прерии.

Но правда в том, что.

“Постепенно опускается ночь, и на обширных и древних лугах происходит еще одна битва за жизнь... Это десятый дикий олень, пойманный этим львом этой весной... Олененок, который все еще ел листья, был затащен орангутангом на дерево... Самка оленя остановилась и обернулась, чтобы избежать преследования гиены, леопард снова бросился наутек за ней...”

Это очень расстраивало Лу Жуна. Он больше не смотрел "Мир животных", предпочитая смотреть передачи на другом канале.

Но он не сказал, что собака, нарисованная на стене, может быть оленем.

Обычно ему не нравится упоминать оленей, он намеренно ничего не говорит, ведь это волнует его больше всего, и даже если он говорит об этом, выглядит вполне естественно.

“Эти три собаки дерутся... Нет, нет, это не три собаки, одна похожа на лошадь, а другая на льва... Смотри, здесь змея.”

Шэнь Цзицзе все еще внимательно рассматривал фреску, указывая на нее, объясняя.

В конце концов, он не смог ее расшифровать и разочарованно сказал: “Эта картина слишком уродлива, я даже не могу сказать, кто это.”

Лу Жун также посмотрел на фреску, на так называемых трех обнимающихся собак и змею на их головах.

Змея была нарисована как гнилая пеньковая веревка, под ней было несколько маленьких точек. Когда он присмотрелся повнимательнее, ему показалось, что это когти.

“Как может существовать змея с длинными когтями, ты когда-нибудь видел такую, Жун-Жун?” — Нахмурившись, спросил Шэнь Цзицзе.

Прежде чем Лу Жун успел ответить, позади него раздался голос: “Это три бога, почитаемые здесь, В Храме Трёх Богов.”

Они оба повернули головы и увидели мастера Хуна, который некоторое время стоял у них за спиной, с улыбкой глядя на стену.

“Быстрее, быстрее, вы должны поклониться Богу, когда заходите в буддийский зал,” — дедушка Цай, стоявший в дверях, тоже вошел в храм и опустился на колени на грязный футон.

Шэнь Цзицзе и Лу Жун ошеломленно подошли, опустились на колени рядом с ним на футон, последовав его примеру.

Служитель Хун встал рядом с ним и представил: “Это статуя трех Богов. А то, что вы видите на стене - это истинное тело трех Богов.”

После того как двое детей поклонились без разбора, Шэнь Цзицзе не удержался и указал на глаза статуи перед ним и спросил: “Мастер Хун, у нее в глазах черные бобы?”

Мастер Хун хлопнул себя по руке, повернулся и поклонился статуе: “Маленький ребенок не понимает, что говорит, прошу прощение, Боги.”

Он снова повернул голову и объяснил: “Это черный драгоценный камень с горы Цюу, который используется для придания статуе завершающего штриха.”

Шэнь Цзицзе: ...

Ты одурачил трех богов и все еще хочешь одурачить меня?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326848>